

Министерство образования Республики Беларусь
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Государственное учреждение образования
«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»
Учреждение образования
«ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
НА СТЫКЕ ЭПОХ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК РЕСУРС
И РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной 250-летию М.К. Огинского
(Минск, 25-26 сентября 2015 г.)

Минск
ООО «Белнаучкнига»
2015

is a Capital Region, the oppressed is the Russian province. However, not only does the Moscow region prefer to live at the expense of other regions, “but also some Russian regions actually prefer to live at the expense of other regions.” [4] Who is to blame in this situation? The Russian society at the turn of the 1990s - 2000s, could not (or would not) create real mechanisms and institutions to ensure the socio-political and economic stability of society in central and local levels, while remaining predominantly transit. The population in this situation serves a passive participant in the socio-political changes in the country, believing themselves incapable of the real effective and efficient political dialogue with the government. People for the most part are politically passive, they believe that ‘everything decided for them’, so it makes no sense to express their political preferences, participating, for example, in the electoral process [5, p.49].

Here are the main trends in the study of post-Soviet history in Russian scientific discourse. The format of the article, unfortunately, does not allow to address a broader stratum of opinion relating to the interpretation of contemporary Russia. The main thing we want to say in this article is related to the assessment of the polar views on the current democratic transition in Russia, that basically varies from primordialist to constructivist views. It seems to me that the difference of handling towards the post-Soviet history in Russian scientific discourse may not change drastically in time coming.

Bibliography

1. Another drunken Ukrainian military man came to Crimea to “fraternize”. Video // <http://ria.ru/world/20150911/1243269390.html>
2. Dougin A.G. Fourth Way. The introduction of the fourth political theory. – M.: Academic Project, 2014. – 683 p.
3. Kara-Mourza S.G., Kouroupatkina O.V. Nation-building in Modern Russia. M.: Algorithm: Scientific expert, 2014. - 408 p.
4. Personal blog of Kyrchanoff M.W. <http://mkyrchanoff.livejournal.com>
5. Petoukhov V.V. Citizen Participation in the Context of Political Modernization of Russia // Socis (Sociological Studies) 1, 2012. P.48-60

Король Д.А.

кандидат культурологии, доцент

Национальный университет «Киево-Могилянская Академия»

Киев, Украина

СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ ДОКЕРАМИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ КАК ФАКТОР ПОЛИТОГЕНЕЗА

За последние несколько десятилетий классическое осмысление основ «государства» и «цивилизации» претерпело изрядные изменения. Хотя до сих пор в целом преобладает чайлдовское понимание, основанное на экономически-производственном прогрессе (как бы автоматически порождённом сменой климата и столь же автоматическим переходом отдельных обществ собирателей к злаковому земледелию). Нельзя сказать, чтобы новые открытия в Анатолии и Перу поставили эти формулы под сомнение. Но их коррекция в настоящий момент, по сути, фундаментальна.

Наблюдая весьма традиционные общества Австралии и Полинезии, можно внезапно столкнуться с неожиданно высокой степенью культурной сложности: изощрённые формы ритуалов, мифологии, искусств или танца, нередко превосходящие подобные проявления у ранних земледельцев. Это обретает иное прочтение, когда на поверку выходит, что локальные группы и там и там являются частями комплексной межсоциальной коммуникативной сети (которая в одном случае охватывает весьма отдалённые регионы Австралийского континента, а в другом выступало островной частью тихоокеанского транскультурного комплекса).

Аналогичные наблюдения обнаруживаются при изучении докерамических обществ, находящихся на стадии первичного освоения злакового земледелия (что

характерно – как в Старом, так и в Новом свете). В этих случаях аналогичным образом напрашивается логичное пояснение: именно уплотнение межсоциальной коммуникационной сети способно наладить интенсивные торгово-экономические связи и сформировать межрегиональную религиозно-идеологическую систему ещё в доземледельческом обществе, приводя со временем к образованию иерархичности и усложнению социальности [3, с. 67, 75]. По наблюдениям Н.Н. Крадина и А.В. Коротаева «межобщинные коммуникативные сети могли представлять эффективную альтернативу уже вождеству» [4, с. 38-43].

Сетевые отношения способны на адаптацию и гибкость, а потому особенно уместны при сложных и нестабильных внешних условиях. Они динамично развиваются параллельно переменам в своём окружении, и потому имеют объективные преимущества по сравнению с традиционными иерархическими – инертными по своей сути – институциональными связями. Тем не менее, как показали исследования Б. Триггера и многих других, становление классических цивилизаций древности проходило именно в рамках иерархической, пирамидально-структурированной модели. Более того, именно такую структуру являли собой многочисленные комплексные и раннекастовые общества древности. Что в условиях милитарно-организованных вождеств на пороге государственности породило иллюзию цивилизационной необходимости военных планов и авторитарного лидерства при власти в древних обществах (в частности, школа Р. Карнейро) [2].

Немалой интригой в такого рода вопросах выступает изучение так называемого «стартового среза» цивилизационных процессов. То есть, население такого региона должно продемонстрировать становление высокого уровня сложных социальных и экономических проявлений, формирование монументальной архитектуры и комплексной централизованной религиозности – без внешних влияний со стороны соседних центров, уже достигших подобного уровня. Перуанское побережье смогло дать именно такой «срез» в чистом виде – докерамический памятник Караль в долине Норте-Чико просуществовал определённый срок, после чего был намеренно засыпан. Как и несколько аналогичных монументальных комплексов по соседству.

Более того, параллелизм признаков ранних урбанистических образований по долинам андских рек Супе и Форталеса вызывает невольное сравнение с уникальным памятником Докерамического неолита Ближнего Востока – Гёбекли-Тепе (в турецком Закавказье, неподалёку от города Урфа) [3].

Следует оговориться: разумеется, настоящими цивилизациями данные общества так и не стали. Те же процессы политогенеза, что стали происходить в указанных регионах по прошествии многих столетий, вполне соотносимы с каноническими наработками Салинза, Спенсера и Сервиса. Но именно рассматриваемые здесь памятники докерамического монументализма выступают явным исключением из многих привычных формулировок. В то же время, они обладают многими общими чертами, не взирая на непреодолимую дистанцию в хронологии и расположении, равно как и в своих конструктивных элементах. Это позволяет вычленить для монументальных комплексов Гёбекли-Тепе и Норте-Чико определённый алгоритм культурогенеза, который до не давних пор очерчивался в научных трудах лишь наброском и без привязки к конкретике.

П. Уасон и М. Балдиа, изучая каменные конструкции неолитической Европы, приходят к выводу, что лидерство и иерархия развивались как побочный продукт чего-то, созданного прежде всего из религиозных побуждений. По их наблюдениям именно сакральное начало в сознании людей выступало стимулом к их просоциальному поведению и к усложнению социальной организации. «Религия вдохновляла людей на строительство монументов, что в свою очередь благоприятствовало расширению и институализации лидерства» [6, с. 225].

По наблюдениям Ю. Берёзкина «...в ранних комплексных обществах, если они не основаны на горизонтальных связях и имеют определенный властный центр, авторитет этого центра обеспечивается его способностью организовать ритуалы, к которым население ощущает свою причастность (под ритуалами имеется в виду формализованная коллективная деятельность, не связанная напрямую с производством средств существования и обороной)» [1, с. 13].

Тем не менее, даже при таком подходе остаётся без объяснения объём усилий, потраченный на сооружение монументальных циклопических конструкций в анатолийском Гёбекли-Тепе или монументальных платформ перуанского Норте-Чико. В особенности памятуя о том, что речь идёт в обоих случаях об обществах, не знающих ни керамики, ни развитого злакового земледелия. Джонатан Хааз и вовсе полагал, что трудозатраты на андские монументальные комплексы позднеархаического периода подразумевают такую экономическую структуру и централизацию культового и руководящего значения, которую следует приравнять к аналогу государственности [8, р. 31-32].

Аналогичные мысли вызывает и плотность трансрегиональных связей, свидетельствующих про некое суперкомплексное общество по типу архаической теократии. Иными словами, как писал в своё время Ю. Павленко, «...идеология здесь представляла не элиту или конкретное лицо, но целую общину, а коллективное монументальное строительство направлялось на общественные ритуалы общинного значения и определённую материализацию своеобразного договора с силами мира Иного» [5, с. 203].

В таком случае центральную власть олицетворяли именно эти «высшие существа» (чаще всего – Первопредки), чьи образы и священные «места силы» могли оформляться безо всякого внешнего принуждения усилиями многих сотен людей в течение десятилетий. Местная же элита, состоявшая из специалистов культа и религиозной иконографии, выступала в качестве посредников, как бы приобщаясь к тем жертвоприношениям и подношениям, которые полагались объектам этих культов. К слову, иконография Гёбекли-Тепе оставалась неизменной почти полтора тысячелетия, что говорит о профессиональной стратe священнослужителей-художников, передававших свои знания из поколения в поколение [13, р. 213].

Однако в данном случае интригует минимальное социальное расслоение населения Норте-Чико в сравнении с тем же древним Шумером. А сопоставление приблизительного объёма населения территорий различается в сотни раз! Ведь если владыка Ура располагал населением в миллионы человек и поддержкой армии, то в селениях долин Норте-Чико проживало до трёх сотен человек, и ориентировочно до шестисот – в Карале. При том, что взрослыми трудоспособными мужчинами социологически могла выступить лишь треть, тогда как монументальные платформенные комплексы имеют место практически в каждом таком посёлке [1, с. 26-28]. Аналогичный парадокс людских трудозатрат возникает, когда мы пытаемся осознать плотность заселения анатолийского Закавказья в дни Докерамического неолита »А«.

Для подобных многолетних непроизводительных усилий большей части взрослого населения региона Ю. Берёзкин предлагает примечательную трактовку. Как минимум для американских обществ легко фиксируется дуальное фратриально-тотемическое деление социума – как в мифах, так и искусстве, вплоть до этнографически зафиксированных элементов повседневности индейских обществ наших дней. По мнению Ю. Берёзкина именно это объясняет своеобразное многолетнее состязание «парных» урбанистических центров Норте-Чико и долины Касмы в монументализме: «Дуальная организация предусматривает отношения сотрудничества и соперничества. Именно это могло способствовать всё большему росту трудовых затрат на строительство сооружений общественно-культового характера» [1, с. 39]. По его мнению, эту форму древнеперуанской социальности можно проследить к предкам индейцев – в Азию. Распределение животной иконографии на стенах Гёбекли-Тепе

точно так же служит свидетельством фратриально-тотемического распределения циклопических каменных окружностей святилища [13, р. 208].

Похоже, что именно потребность в общих для фратрии ритуалах стимулировала удалённые коллективы, восходящие к единым предкам, преодолевать изрядные расстояния, тратить многолетние человеко-ресурсы, а после того – совершать паломничества и производить подношения на построенных общими усилиями священных локусах.

Это не голословный вывод: в том же урбанистическом центре Караль найдены рыболовецкие объекты с побережья, охотничьи трофеи высокогорья и даже перья попугаев Амазонии — весьма удалённые от этого центра точки – а помимо того, более двух десятков костяных флейт, но ни одного свидетельства вооружения или военной агрессии [12]. Аналогично, в Гёбекли-Тепе обнаружены каменные изделия в стилистике конкретных удалённых регионов и наконечники охотничьих стрел с разных уголков Анатолии, Закавказья и Палестины.

Тревор Уоткинс озвучивает вердикт, что здесь особо ярко проявились тенденции «взаимодействия равных политий», выразившиеся в трёх аспектах: состязание и конкурирующее подражание; символическое вовлечение и передача инноваций; возрастание потока товарообмена. Данные формулировки по Ренфрю изначально относились к ранним цивилизациям, но даже ближневосточный Докерамический неолит способен это продемонстрировать. В связи с чем Уоткинс предлагает исследовать распространение и развитие межрегиональной сетевой структуры социокультурного взаимодействия. Именно так следует понимать своеобразную «экспансию» инноваций Докерамического неолита «Б» [17, р. 36-37].

Более того, именно неподалёку от Гёбекли-тепе обнаружены самые ранние образцы одомашненной пшеницы. По датировке они относятся ко времени, когда циклопические окружности с Т-образными колоннами уже использовались. Ныне актуальным представляется вопрос: не было ли освоение злакового земледелия следствием социальной сложности того общества, которую демонстрирует памятник? И не была ли осёдлость продиктована потребностью обеспечить многонедельный ритуал для большого коллектива? [10]

Этим вопросом озадачились Йенс Нотрофф и Оливер Дитрих. Они нашли немало зернотёрок и ступок в раннем слое Гёбекли-Тепе, и даже своеобразные каменные ванны для какого-то напитка. По их мнению, речь должна идти о продукте брожения, необходимого для коллективного пиршества, что перекликается с так называемой «пивоваренной гипотезой» неолитизации [7, С. 692; 11]. Помимо того, они обратили внимание на наличие символики, общей для целой общности синхронных памятников, включая абстрактный символизм, суть которого они усматривают в передаче и сохранении культурных знаний. В условиях, опять же, целостной символической коммуникационной системы [7, р. 684-686].

Сама монументальная постройка должна была служить воплощённой мнемотехникой для связанных в рамках такой системы людских коллективов; по сути – символической репрезентацией в виде своеобразных символа-хранилищ, аналогичных «театрам памяти» [16, р. 12-14]. Возвращаясь к сути данного очерка, уточним: подобные мнемотехники бессмысленны в условиях одинокой самодостаточной общины, тогда как централизованные иерархические политии, как правило, демонстрируют несколько иные акценты манипулирования символами. Иными словами, и здесь подтверждает своё место комплексная межсоциумная коммуникативная сеть. Именно она позволила в дальнейшем расширить сферу влияния воздвигнутого культового центра на удалённые регионы, а длительные коллективные празднества позволяли совершать не только товарообмен, но и обмен новостями, сказаниями, идеями и даже технологиями.

Всё это послужило стимулом интенсивного политогенеза у потомков обществ периферии подобной коммуникативной сети. Почему именно периферия – вопрос, требующий отдельного рассмотрения.

Литература

1. Берёзкин Ю. Е. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. – СПб.: Наука, 2013. – 256 с.
2. Карнейро Р. Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина и др.. – М.: Учитель, 2006. – С. 55-70.
3. Король Д.О. Гьобеклі-Тепе і Норте-Чіко — структурний монументалізм та прото-цивілізаційні прояви докерамічних суспільств // Магістеріум. – Вип. 59: Культурологія. – К.: Стилос, 2015. – С. 66-77.
4. Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. В. Альтернативы социальной эволюции // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева и др. – М.: Логос, 2000. – С. 24-83.
5. Павленко Ю. В. Історія світової цивілізації: соціокультурний розвиток людства. – К.: Либідь, 1996. – 360 с.
6. Уасон П., Балдиа М. Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. Монография / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева и др. – М.: Логос, 2000. – С. 219-234.
7. Dietrich O., Notroff J., Schmidt K., Heun M. The role of cult and feasting in the emergence of Neolithic communities. New evidence from Göbekli Tepe, southeastern Turkey // ANTIQUITY. – 2012. – № 86. – P. 674-695.
8. Haas J. The exercise of power in early Andean state development // The Origins and Development of the Andean State / eds. Haas J., Pozorski S., Pozorski T. – Cambridge Univ. Press, 1987. – P. 31-35.
9. Haas J., Creamer W. Why Do People Build Monuments? Late Archaic Platform Mounds in the Norte Chico // Monumentality in the Americas / eds. R.M. Rosenswig, R.L. Burger. – University Press of Florida, 2012. – P. 289-312.
10. Lewis-Williams D., Pearce D. An Accidental Revolution? Neolithic Religion & Economic Change // Minerva. – 2006. – Vo.17, № 04. – P. 29-31.
11. Moore J. D. Power and Drink // Reviews in Anthropology. – 2013. – № 42. – P. 3-14.
12. Shady Solís R. America's First City? The Case of late Archaic Caral // Andean Archaeology III: North and South, (ed. William H. Isbell and Helaine Silverman). – Chapter 2. – New York: Springer, 2008. – P. 28-66.
13. Schmidt K., Peters J. Animals in the symbolic world of Pre-Pottery Neolithic Göbekli Tepe, south-eastern Turkey: a preliminary assessment // Anthropolozoološka. – 2004. – № 39 (1). – P. 179-218.
14. Trigger B. G. Monumental Architecture: A Thermodynamic Explanation of Symbolic Behavior // World Archaeology. – Oct., 1990. – Vol. 22, No. 2: Monuments and the Monumental. – P. 119-132.
15. Verhoeven M. Ritual and Ideology in the Pre-Pottery Neolithic B of the Levant and Southeast Anatolia // Cambridge Archaeological Journal. – 2002. – Vol. 12, № 2. – P. 233-258.
16. Watkins T. Building houses, framing concepts, constructing worlds // Paléorient. – 2004. – Vol. 30, № 1. – P. 5-23.
17. Watkins T. Developing socio-cultural networks // Neo-Lithics. – 2004. – Vol. 2. – № 03. – P. 36-37.

Красильникова Е. И.

кандидат исторических наук, доцент

*Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ, НАПРАВЛЕННАЯ НА ОХРАНУ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1920 – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1941 ГГ.)

Памятные места отражает ценностное восприятие обществом прошлого. Именно поэтому отношение власти к существующим памятникам изменчиво и не всегда однозначно: в одних условиях памятник может служить легитимации, в других дискредитации тех или иных политических сил и политических личностей. В результате общество нередко становится свидетелем войны государства и отдельных политических группировок с памятниками, а также процессов активного возведения однотипных монументов. Все это было характерно для СССР 1920-1930-х гг. В этот период значительная часть дореволюционного культурно-исторического наследия подверглась уничтожению. Охрана же памятников, в значительной степени возлагалась на музеи. При этом музейщикам нельзя отказать в понимании ценности тех дореволюционных памятников, которые власть тенденциозно разрушала, а также инициатив, направленных